

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 910.2:008+528.94:159.922.2

DOI: 10.17072/2079-7877-2018-4-21-33

**МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ
КОМПЛЕКСНОГО КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:
АНАЛИЗ ПОДХОДОВ*****Иван Игоревич Митин**

SCOPUS ID: 7005977440, WoS ID: A-6421-2016, ORCID ID: 0000-0002-6859-3047,

Researcher ID: A-6421-2016, SPIN-код: 7110-2292

e-mail: gumgeo@gmail.com

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

По итогам сравнительного обзора подходов выявлены оптимальные разновидности ментальных карт для использования в качестве инструмента представления результатов комплексного культурно-географического исследования территории. Показано наличие двух противостоящих друг другу трактовок термина «ментальные карты». Во-первых, это мысленные карты, существующие лишь в сознании людей и отражающие схемы ориентации в пространстве или визуализируемые в виде абстрактных диаграмм, для которых не обязательны ни пространственное содержание, ни географическая основа. Во-вторых, это геоизображения, служащие визуальной репрезентацией индивидуальных или обобщённых представлений о территории. Они могут быть построены информантами по заданию исследователя или же самим учёным на основе обобщения полученных данных. Особым случаем второго подхода выступают традиционные географические карты, тематическое содержание которых связано с изображением представлений о пространстве. Предложено продуктивное объединение преимуществ двух указанных подходов, при котором научно-обоснованная система взаимосвязанных и взаимообусловленных признаков территории «привязывается» к геоснове. Показаны примеры ментальных карт, созданных для развития каждого из двух подходов и соответствующих требованиям комплексных культурно-географических исследований.

Ключевые слова: ментальные карты, культурная география, гуманитарная география, комплексные культурно-географические исследования, географические образы, пространственные представления.

**MENTAL MAPS AS AN INSTRUMENT OF COMPLEX CULTURAL GEOGRAPHICAL
RESEARCH: THE ANALYSIS OF APPROACHES****Ivan I. Mitin**

SCOPUS ID: 7005977440, WoS ID: A-6421-2016, ORCID ID: 0000-0002-6859-3047,

Researcher ID: A-6421-2016, SPIN-code: 7110-2292

e-mail: gumgeo@gmail.com

National Research University Higher School of Economics, Moscow

Based on a comparative study, the paper reveals the most effective approaches to mental maps as an instrument of presenting results of complex cultural geographical research. Two opposing paradigms of understanding 'mental map' as a term are described. The first deals with the orientation schemes present in the minds of personalities and/or visualized as abstract diagrams without obligatory spatial information or geographical coordinates given. The other is in fact a kind of geoimages, serving as visual representations of individual or generalized visions of the given territory. They may be drawn by the informants according to

© Митин И.И., 2018

*Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект №21/2017-И «Создание атласа ментальных карт регионов России»).

the researcher's task, or constructed by the scientist himself as a result of generalization of received data. Traditional geographical maps, with thematic content representing space perception issues, are regarded as a special type of this kind of mental maps. The paper suggests a productive combination of the two contradictory approaches, under which a scientifically well-grounded system of interconnected characteristics of the place is 'located' at certain geographical coordinates. The examples of mental maps developed out of both approaches and meeting the mentioned criteria for complex cultural geographical research are given.

Key words: mental maps, cultural geography, geohumanities, complex cultural geographical research, geographical images, spatial representations.

Введение: дискурс пространственных представлений

Ментальные карты – одно из весьма распространённых [25, с. 8], но в то же время однозначно не определённых [39] понятий современной географии. Несмотря на название ментальные карты, как правило, не удовлетворяют строгим требованиям к географическим картам, выступая в качестве графических образов окружающей среды [1, с. 61–63] или картоподобных геоизображений, включающих произвольные построения [1, с. 36–37].

Так, под ментальной картой понимают, например, «схему пространственных представлений человека или группы людей, а также отражающий такие представления рисунок» [15, с. 250]; «когнитивную репрезентацию информации об окружающем мире, которую человек приобретает из различных (прямых или косвенных) источников» [39], или просто «психологическую или внутреннюю репрезентацию места или мест» [37, р. 299]. Обобщая, можно заключить, что ментальная карта – это *способ фиксации человеческих представлений о географическом пространстве*.

Представления о пространстве находятся в фокусе интереса одной из географических субдисциплин – культурной географии. Культурная география может быть определена как «междисциплинарное научное направление, объектом изучения которого является *пространственное разнообразие культуры и ее распространение по земной поверхности*» [27, с. 18]. Её отличие от возникшей в СССР в 1980-х гг. [см. 22; 28] «географии культуры» состоит в большем содержательном охвате и концептуальной разнообразии [22, с. 21–23; 11, с. 8–10]. Так, всё большее значение в последнее десятилетие в структуре российской культурной географии имеет изучение «*представлений о географическом пространстве в разных культурных контекстах, образов различных местностей и территорий, отношения местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди – носители той или иной культуры*» [28, с. 21]. Эта развивающаяся традиция получила неоднозначное [5; 10; 21; 26] название гуманитарной географии, которую «*можно считать особой российской школой культурной географии, сформировавшейся в 1990–2000-е годы*» [21, с. 5]. Гуманитарная география в обозначенном узком смысле понимается как «совокупность тесно взаимосвязанных направлений географии, изучающих закономерности формирования и развития систем представлений о географическом пространстве (в сознании отдельных людей, социальных, этнокультурных, расовых групп и др.), согласно которым человек организует свою деятельность на конкретной территории» [16, с. 151]. В этом, собственно, и состоит научная значимость ментальных карт: они отображают представления, которые определяют принятие тех или иных пространственных решений и, следовательно, изменения географической среды.

Таким образом, ментальные карты, рассматриваемые как способ фиксации пространственных представлений, *логически* могли бы найти наибольшее применение именно в культурной географии, в фокусе которой и находятся наши представления о пространстве. Тем не менее многообразие трактовок ментальных карт, специфических для культурной географии, не обнаруживается [9, с. 21–23]. Цель нашей статьи – *анализ разнообразных подходов к трактовкам ментальных карт, соответствующих задачам комплексного [23, с. 13–17] культурно-географического исследования*.

Базовая дихотомия подходов

Одна из общеизвестных особенностей ментальных карт – их очень широкое распространение, стирающее дисциплинарные границы современной науки. Логическим следствием подобной ситуации выступает крайняя степень *диверсификации* подходов к ментальным картам. В то же время это многообразие может быть сведено к *базовой дихотомии* двух противостоящих друг другу «полярных» подходов.

Действительно, как точно подмечает Б.Б. Серапинас в одной из последних обзорных работ, одним и тем же термином «ментальная карта» могут обозначаться «и образ окружающей среды в уме индивида, и карта как объект иконического отображения на плоскости познавательных или эмоциональных представлений людей об окружающем мире» [25, с. 8].

Схожие противопоставления можно обнаружить ещё полвека назад в период зарождения ментального картографирования [34; 36; 42; 43]. Уточнённое (и смещённое в стороны большей «картографичности») видение этой дихотомии было предложено И-Фу Туаном, который в 1975 г. выделил следующие два понимания ментальных карт в географии: «1) картографические репрезентации того, как люди различаются в оценке мест, и 2) рисованные людьми карты с очертаниями городских улиц или континентов» [46, p. 206, footnote].

Причины подобной «многоголосицы» нам видятся в особенностях зарождения ментальных карт в географии. Это произошло в 1960-е гг. в связи с *бихевиористской революцией*. Географы пытались объяснить те или иные пространственные явления, опираясь на изучение процесса принятия человеком тех или иных решений. В центре внимания бихевиористской географии оказалось «восприятие пространства как связующее звено между деятельностью человека и окружающей его средой. Ментальные карты рассматривались как инструмент или как ключ, «раскрывающий» связи между пониманием человеком своей окружающей среды и его пространственного выбора и, соответственно, поведения» [37, p. 299].

Оказавшись «между» субъективным восприятием окружающего пространства человеком и стереотипными паттернами поведения людей на местности, ментальные карты, как понятие, и демонстрируют терминологический и методологический «дрейф» то в сторону «*картинок в голове*», то в сторону часто примитивных «*рисованных*» *геоизображений*.

Б.Б. Серапинасу принадлежит попытка разведения русскоязычных терминов для указанных выше двух полярных трактовок: «эти понятия целесообразно развести и обобщить, представив мысленную карту разновидностью только мысленных геообразов, а ментальную карту – разновидностью ментальных геоизображений» [25, с. 8]. М.В. Грибок поясняет, что «под термином «ментальная карта» будет подразумеваться именно графическое изображение индивидуальных или коллективных систем представлений о мире, а под термином «мысленная карта» – образ местности, существующий только в представлении (воображении) человека или группы лиц» [9, с. 26]. Дальнейшая типология ментальных карт, различающая отображения территории и её характеристик [25, с. 10], кажется нам излишней в то время, как различение *ментальных* (в узком смысле) и *мысленных* карт – весьма продуктивным, хотя термины эти за прошедшее десятилетие не смогли прижиться в академическом дискурсе.

Далее мы рассмотрим каждую из полярных трактовок ментальных карт (в широком смысле), выделяя отдельно применение в культурной географии.

Мысленные карты-геообразы

Возникновение существующих исключительно в сознании мысленных карт *хронологически было первым* этапом в истории ментальных карт в широком смысле.

Обычно считается [39; 25], что термин «ментальная карта» был введён Эдвардом Толменом в 1948 г. В самом деле, в статье Э. Толмена [44] речь идёт о *когнитивных картах* (*cognitive maps*) как о способах ориентации крыс в сконструированных в ходе экспериментов пространствах и о возможных приложениях полученных результатов для изучения поведения человека. Сам использованный здесь термин «когнитивная карта» называют «зонтичным» по отношению к другим схожим – включая и ментальные карты [37, p. 300].

Однако, как точно замечает, например, М.В. Грибок, «встречаются и более ранние упоминания этого термина в научной литературе» [9, с. 23]. Первой здесь, вероятно, выступает статья Чарльза Трубриджа [45], посвященная способам ориентации людей в (незнакомых) пространствах, «чувству места» и «чувству направления». В ней вводится термин «*imaginary map*», т.е. карта воображаемая или, как «поправляет» К.П. Глазков, скорее «вообразимая» [6, с. 108].

В этих ранних работах речь, как правило, вовсе *не идёт о каком-либо геоизображении*: в случае Ч. Трубриджа приводится ориентационная схема без географической основы. Э. Толмен же и вовсе обходится схемами проведения эксперимента, логично полагая, что едва ли крысы мыслят картографически. Это вызывает не утихающую и по сей день дискуссию о «картографичности»

нашего мышления и «картоподобности» ориентационных схем (ментальных карт) в нашем сознании [37; 38]. Кстати, именно в этой же статье Р. Китчина можно найти подробный обзор мысленных карт.

В связи с этим важно подчеркнуть, что «ментальные карты – это не репрезентации, которые люди используют в голове, отправляясь по своим делам; их не используют, когда вы потерялись» [46, р. 210]. Мысленные карты применяются для моделирования ситуаций и поведения, ориентации третьего лица на местности, для конструирования собственных воображаемых миров и, наконец, простого запоминания событий или ситуаций [46, р. 210–212].

Последний тезис получил развитие далеко за пределами географии. Так, ментальные карты как структурированные системы компактного «хранения» наших знаний о том или ином объекте (теперь уже не обязательно географическом) превратились в *интеллект-карты* (*mindmaps*), активно популяризируемые Т. Бьюзеном [см., напр.: 2]. Здесь то, что мы вслед за Б.Б. Серапиносом называем мысленными картами, начинает выражаться *графически*, на бумаге, не теряя при этом черт отражения сознания и мышления.

Интеллект-карты – это фактически диаграммы из понятий, связей и ассоциаций, т.е. абсолютно лишены подобности традиционным картам (рис. 1). При этом огромное количество публикаций о ментальных картах, причём именно под таким названием, в педагогике и менеджменте основывается как раз на интеллект-картах.

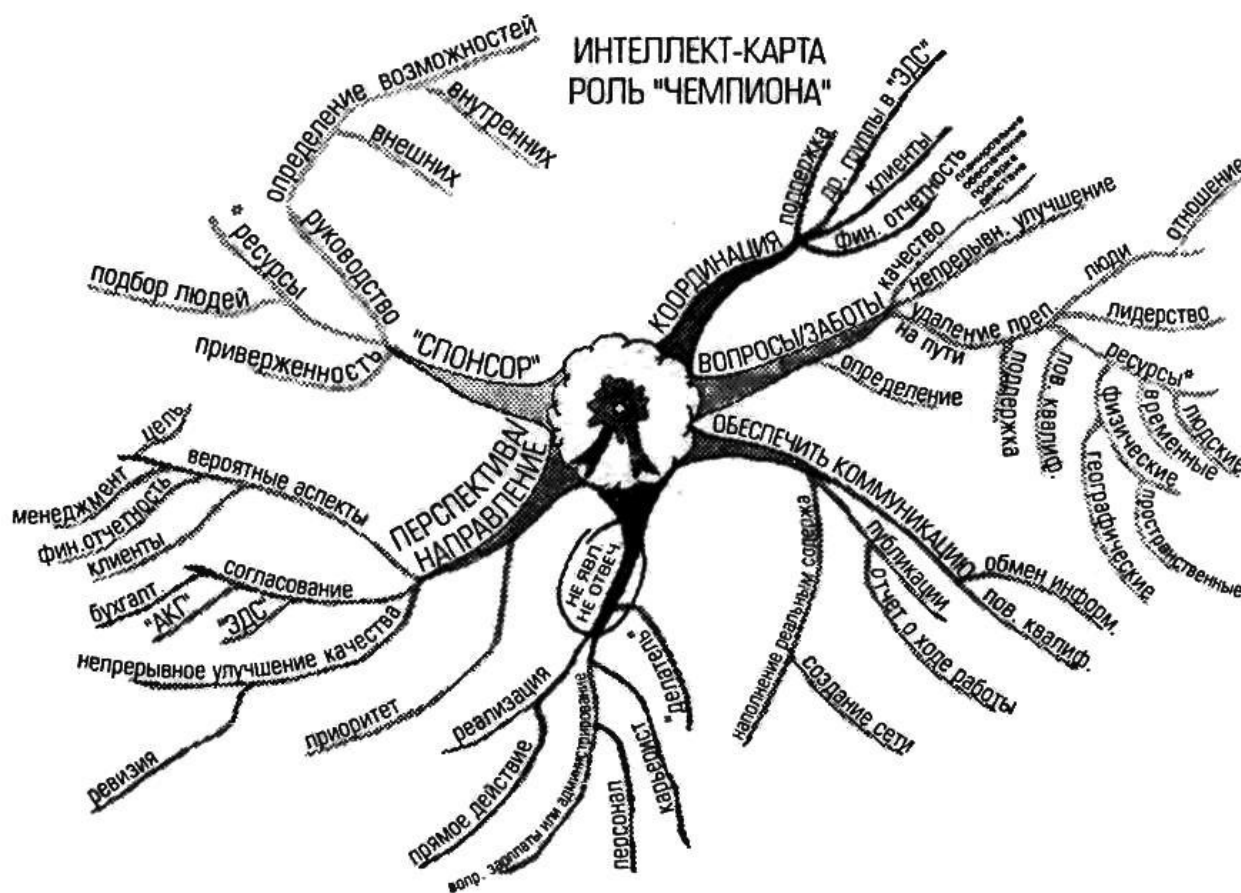

Рис. 1. Пример интеллект-карты Т. Бьюзена [2, с. 259]

Как ни парадоксально, далёкий от традиционной картографии «диаграммный» подход к ментальным картам вполне позволяет структурировать и *пространственно локализованную* информацию, и именно он получил развитие в российской культурной географии. Речь идёт об *образно-географических картах*, разработанных Д.Н. Замятиным.

Образно-географическая карта определена как «графическая модель географических образов» [14, с. 322], в которой «частично сохраняется географическая ориентация традиционных (современных) карт и используются в качестве способов изображения и репрезентации способы изображения из математической (топологической) теории графов и т.н. диаграммы Венна» [12, с. 125] (рис. 2).

Образно-географические карты, таким образом, отличаются от рассмотренных выше мысленных карт отражением «преимущественно содержательных аспектов представлений» [15, с. 252]. Их роднит с интеллект-картами перенос ментального содержания на печатный или электронный носители.

Рис. 2. Пример образно-географической карты г. Олонец [23, с. 200]

В культурной географии, что немаловажно, образно-географические карты могут служить, на наш взгляд, прежде всего, для «краткого, но ёмкого представления места» [24, с. 268]. Они могут рассматриваться как «графический способ презентации результатов полевого культурно-географического исследования, наглядно представляющий главные и второстепенные» признаки рассматриваемой территории и связи между ними [23, с. 115].

Этот подход соответствует критериям именно *комплексного* культурно-географического исследования, связанного с выявлением системы взаимосвязанных признаков изучаемой территории (контекстов), среди которых определяется главный (доминантный) [24; 23, с. 81–86]. Однако он не соответствует самому термину «карта», поскольку образно-географические карты не имеют никакой, даже условной, геоосновы.

Ментальные репрезентации-геоизображения

Перейдём к анализу подходов к ментальным (в узком смысле) картам, связанным с *изображением представлений на бумаге*.

Как мы показали выше, подобное понимание ментальных карт хронологически возникло позже, однако время его расцвета также совпало с бихевиористской революцией [46]. Действительно, в классической книге Р. Даунса и Д. Сти [33] предложено, в числе прочих, и такое понимание ментальных карт: «созданное человеком изображение части окружающего пространства», которая «отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной» [цит. по: 31, с. 4].

На картах, *нарисованных информантами по заданию исследователя*, основываются ставшие по праву классическими работы К. Линча [19], Дж. Голда [8] и С. Милграма [20] (рис. 3). Д. Покок называет подобные эксперименты *прямым* способом получения ментальных геоизображений «на бумаге» из мысленных карт в сознании в отличие от *косвенного* способа, который используется в рассмотренных выше геообразах [41, р. 493–495]. Анализ подобных «*sketch maps*» [35], как иногда называют эту разновидность ментальных карт, фокусируется, как правило, на категориях и особенностях самих информантов и способов «закрепления» ими пространственной информации [32; 41; 40].

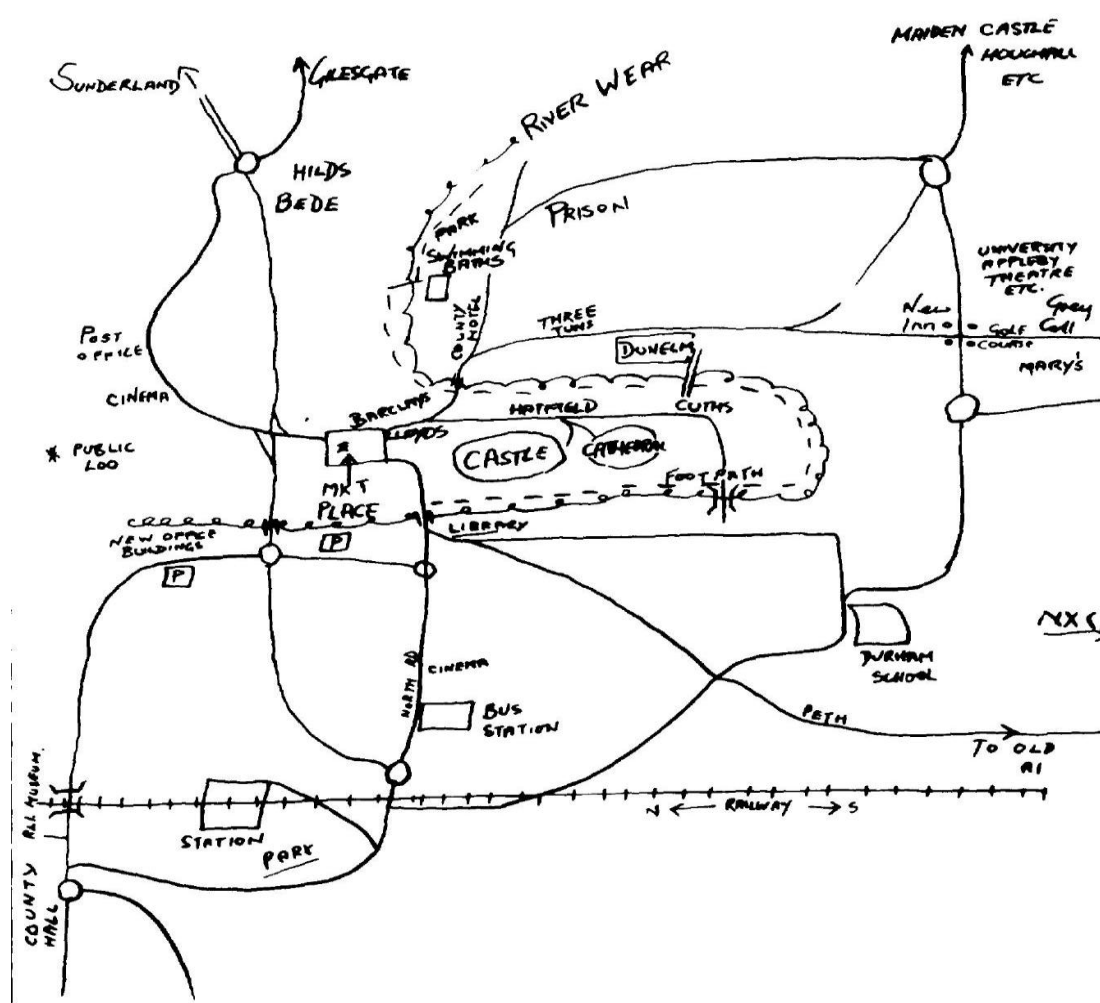

Рис. 3. Пример рисованной ментальной карты г. Дарем [41, p. 503]

Способов создания подобных рисованных карт действительно было выделено и проанализировано немало, однако ведущая роль в исследовательской работе с ними непременно принадлежит *интерпретации* полученных изображений [7, с. 42–44; 4, с. 21–22; 2]. «Карта как источник, который конструируется по инициативе исследователя, становится *контрапунктом*, где «встречаются» образ города и жизненные смыслы человека. На когнитивной карте проступают неявные взаимосвязи, и за счёт этого расширяется наше понимание социальных процессов в городе» [29, с. 63].

Именно подобная *интерпретация* может приводить к созданию ментальных карт-геоизображений уже не с условной, а вполне строгой геоосновой. Речь идёт о картах, созданных *самим исследователем* путём обобщения и с целью более чётко отобразить индивидуальные представления. Характерна в этом отношении уникальная серия О.А. Лавреновой, демонстрирующая упоминаемость географических объектов отдельными русскими поэтами [18]. Дальнейшая экстраполяция приводит к созданию специфических ментальных карт, выступающих фактически *традиционными* картами, на которых *тематическое содержание* связано с отображением представлений. В качестве примера можно привести геоизображение знакомства респондентов с теми или иными географическими объектами [17] (рис. 4).

Как правило, в подобных произведениях используются стандартные способы картографического изображения – картограммы, картодиаграммы и качественный фон. Иногда, впрочем, встречаются и более сложные варианты – как в случае с картами-анаморфозами представленности регионов России в выпусках телевизионных программ М.В. Грибок [9, с. 93–94] или «образного рельефа» Ставропольского края В.В. Чихичина [30].

Как бы то ни было, в этом случае неизбежно возникает вопрос о целесообразности выделения фактически *одного из видов традиционных географических карт* по тематическому содержанию в специальный раздел «ментальных карт». Предложение ряда негеографов считать этот подвид ментальных карт *социальными картами* [4, с. 9] только подтверждает эти сомнения.

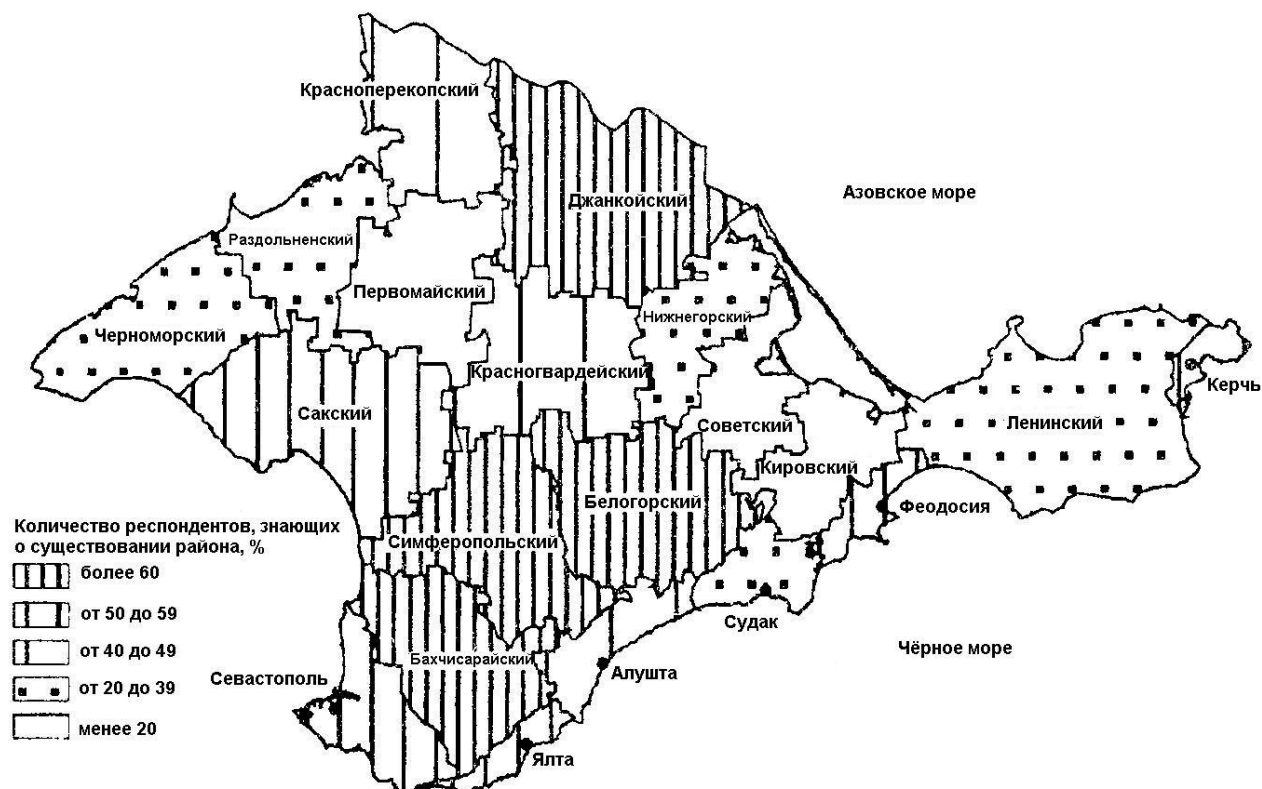

Рис. 4. Пример ментальной карты, максимально приближенной к традиционной: административно-территориальное устройство Крыма по пространственным знаниям жителей Симферополя [17, с. 28]

Как правило, в подобных произведениях используются стандартные способы картографического изображения – картограммы, картодиаграммы и качественный фон. Иногда, впрочем, встречаются и более сложные варианты – как в случае с картами-анаморфозами представленности регионов России в выпусках телевизионных программ М.В. Грибок [9, с. 93–94] или «образного рельефа» Ставропольского края В.В. Чихичина [30].

Как бы то ни было, в этом случае неизбежно возникает вопрос о целесообразности выделения фактически *одного из видов традиционных географических карт* по тематическому содержанию в специальный раздел «ментальных карт». Предложение ряда негеографов считать этот подвид ментальных карт *социальными картами* [4, с. 9] только подтверждает эти сомнения.

Заключение: от интерпретации к локализации

Возможно ли в результате *интерпретации* индивидуальных представлений, на которой основаны ментальные карты в узком смысле, получить столь же *чёткую и структурированную систему взаимосвязанных элементов*, как и в мысленных картах? Именно этого не хватает, на наш взгляд, каждому из двух «полярных» подходов, описанных выше.

Действительно, попытки подобной интерпретации известны ещё с 1960-х гг. Лучшим примером в этой связи служит классическая методика К. Линча. Он пишет, что «независимое полевое исследование довольно точно предсказало групповой образ, выявленный в ходе интервью» [19, с. 26]. Ментальные карты Кевин Линч составлял самостоятельно, создавая *обобщённый образ* исследуемых частей трёх городов (рис. 5). В этом картографировании он пользовался и «рисованными» картами жителей, и данными интервью с ними, и результатами специально проведённого полевого исследования пространственной структуры городов. Именно такая *многократная интерпретация* разнообразных исходных данных и позволила К. Линчу перейти к ставшим классическими выводам о ключевых элементах городской среды [19, с. 50–86].

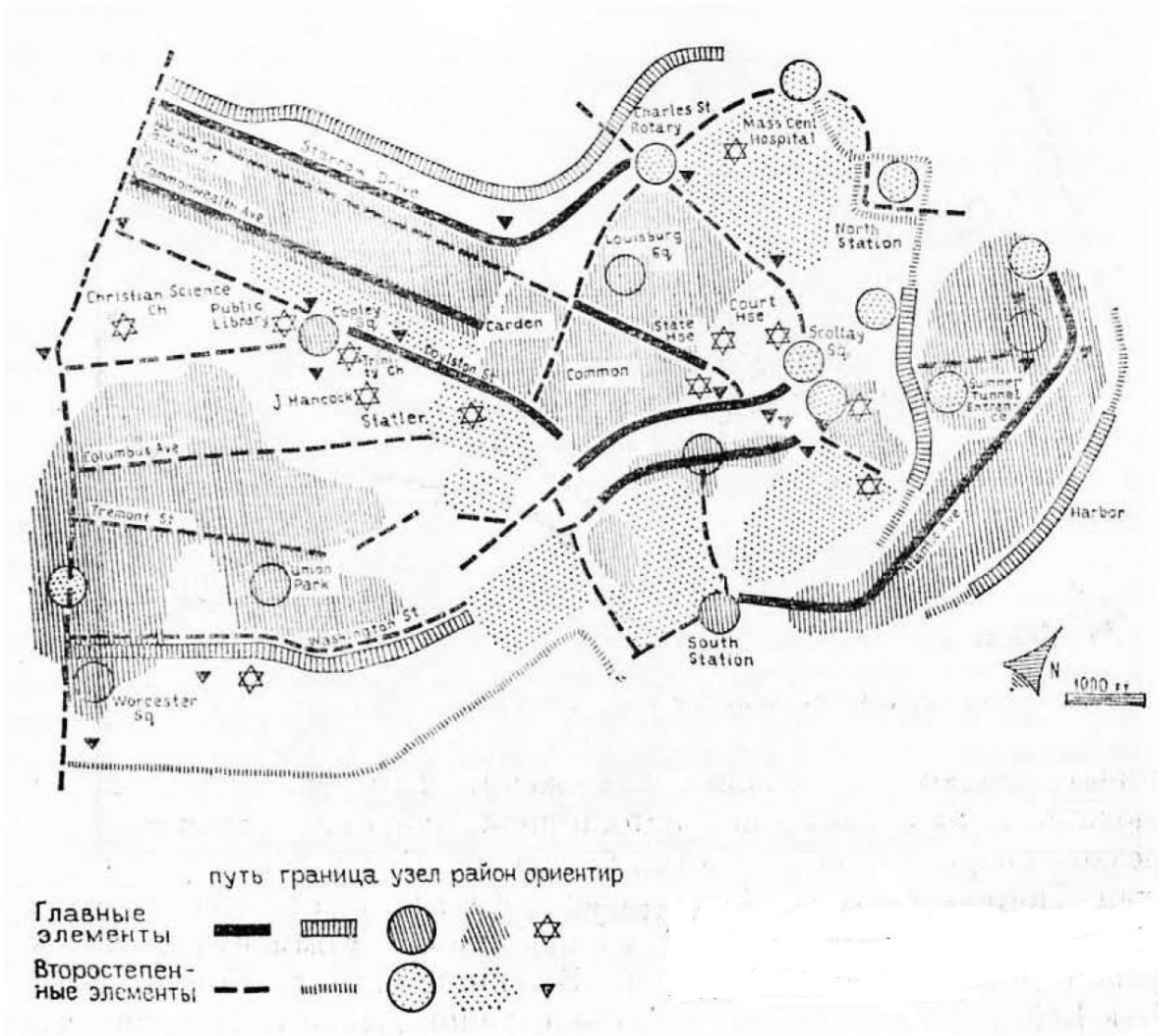

Рис. 5. Пример обобщённой ментальной карты Бостона К. Линча [19, с. 28]

В культурной географии к подобным же результатам приводят, причём с методологической точки зрения с *обратной* стороны, некоторые модификации образно-географических карт, на которых сделана попытка «привязать» к условной географической основе выявленные компоненты образа. Здесь чётко структурированная система взаимосвязанных элементов территории, полученная в результате по-настоящему комплексного культурно-географического исследования, лишённая геоосновы на образно-географической карте, получает таковую.

Речь идёт о *мифогеографических картах* [24; 23, с. 116–117, 138–139], призванных уделить особое внимание «связям между реальностью наблюдаемых объектов и реальностями представлений» [24, с. 268] (рис. 6).

Эта разновидность ментальных карт позволяет логически завершить методическую цепочку, описанную выше для образно-географических карт. Так, на первом этапе по результатам комплексного культурно-географического исследования выявляются ведущие образы территории и связи между ними. На втором этапе они графически систематизируются путём составления образно-географической карты. Для осуществления следующего этапа необходимо использовать метод так называемых «знаковых мест». Это «выделенные исследователем локусы городского пространства, обладающие с его точки зрения особыми значениями и смыслами, формирующими «тело» города» [13, с. 298], иными словами, «конкретные визуально наблюдаемые элементы городского ландшафта, способные служить самостоятельными признаками места, включаемыми в его характеристику» [23, с. 109]. Соответственно, на третьем этапе система ведущих образов ещё более обобщается – и соотносится с выявленными в ходе исходного культурно-географического исследования «знаковыми

местами». Так и получается мифогеографическая карта, на которой на условной географической основе локализуются выявленные представления о городе. Заметим, что способы улучшения графических свойств и автоматизации процесса создания подобных геоизображений при этом, разумеется, находятся за рамками целей настоящей статьи.

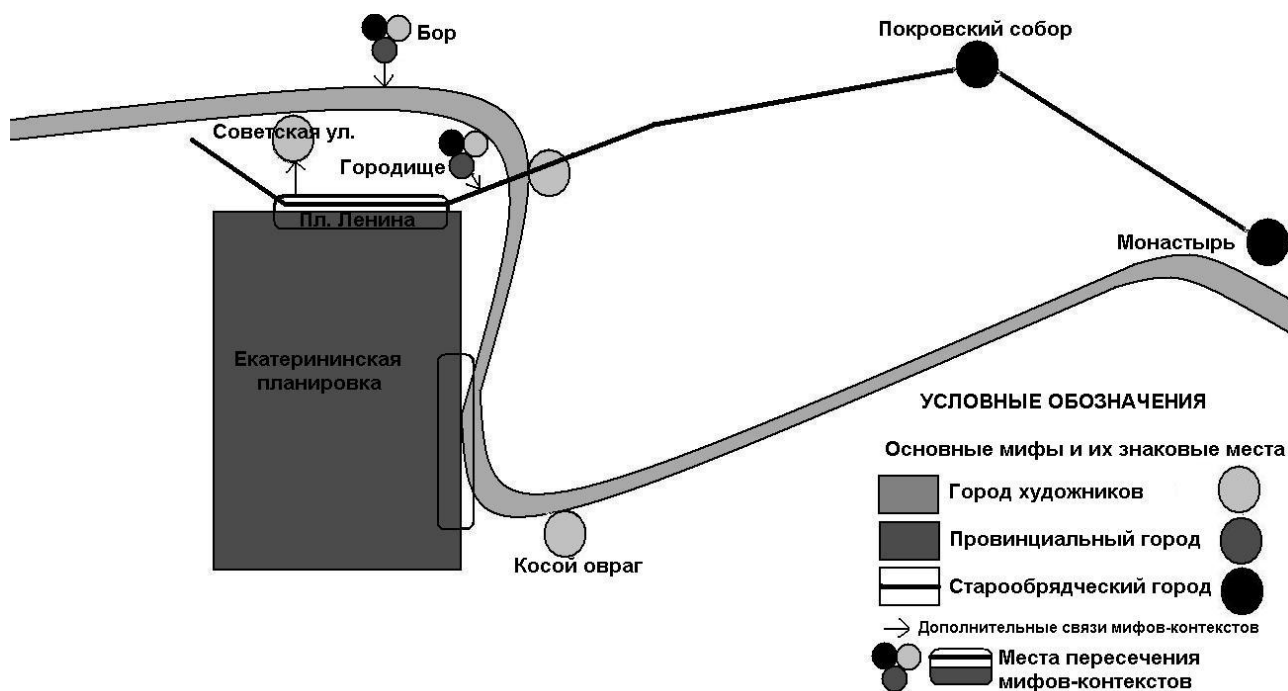

Рис. 6. Пример мифогеографической карты г. Боровск [24, с. 272]

Таким образом, на наш взгляд, наиболее подходящие для культурной географии ментальные карты возникают там, где в результате интерпретации разрозненных индивидуальных геоизображений возникают обобщённые карты, в основе которых лежит авторская рефлексия; или же там, где научно обоснованная система взаимосвязанных представлений о территории находит чёткую территориальную локализацию.

Библиографический список

1. Берлянт А.М. Геоиконика. М.: Астрей, 1995. 219 с.
2. Бьюзен Т., Бьюзен Б. Супермышление. Мн.: Попурри, 2003. 320 с.
3. Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. №3(68). С. 101–111.
4. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. №31. С. 5–29.
5. Гладкий Ю.Н., Петров А.Н. Гуманитарная география: понятийный статус и самоидентификация // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. №3. С. 15–25.
6. Глазков К. Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // Laboratorium. 2015. Т. 7. №3. С. 106–117.
7. Глазков К. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. №3. С. 39–56.
8. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 302 с.
9. Грибок М.В. Анализ формирования образов регионов России в федеральных информационных программах телевидения с помощью ГИС: дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009. 146 с.
10. Дружинин А.Г. От гуманизации к неогуманизации российской социально-экономической географии: тренды, проблемы, приоритеты // Южно-российский форум. 2011. №1(2). С. 34–51.

11. Дружинин А.Г., Стрелецкий В.Н. «Культурная составляющая» общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2015. №1. С. 5–20.
12. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
13. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2005. С. 276–323.
14. Замятин Д.Н. Образно-географическая карта (карта географических образов) [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4 / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2007. С. 322–325.
15. Замятина Н.Ю. Ментальная карта (1): мат. к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5 / отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. С. 250–253.
16. Замятина Н.Ю., Митин И.И. Гуманитарная география // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. Григорьев – Динамика. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 151.
17. Коваленко И.М. Ментальные карты административного устройства Украины и Крыма (по пространственным знаниям жителей г. Симферополя) // Зап. Общества геоэкологов. 2000. Вып. 3. С. 23–30. URL: <https://goo.gl/SyECiM> (дата обращения: 01.10.2017).
18. Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (геокультурный аспект) / науч. ред. Ю.А. Веденин. М.: Ин-т Наследия, 1998. 95 с.
19. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
20. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 335 с.
21. Митин И.И. Гуманитарная география: проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и международном контекстах // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. №1. С. 1–10.
22. Митин И.И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. 2011. №4. С. 19–25.
23. Митин И.И. Методика комплексной культурно-географической характеристики территории: дис. ... канд. геогр. наук. М., 2007. 221 с.
24. Митин И.И. Методика полевых гуманитарно-географических исследований в контексте мифогеографии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2005. С. 235–275.
25. Серапинас Б.Б. Мысленные геообразы и ментальные геоизображения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2007. №1. С. 8–12.
26. Соколова А.А. Гуманитарная география: к вопросу о делимитации границ предметной области // Известия РАН. Сер. геогр. 2011. №5. С. 109–118.
27. Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №4. С. 18–28.
28. Стрелецкий В.Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. №5. С. 21–33.
29. Тимофеева Т.Н. Когнитивные карты города Кяхта // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. №1. С. 53–64.
30. Чихичин В.В. Географический анализ образов городов Ставропольского края: дис. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2006. 181 с.
31. Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. №4. С. 4–17.
32. Appleyard D. Styles and methods of structuring a city // Environment and Behavior. 1970. Vol. 2. No. 1. P. 100–117.
33. Downs R.M., Stea D. Maps in Minds: Reflections on Cognitive Mapping. N.Y.: Harper & Row, 1977. 284 p.
34. Gould P., White R. Mental Maps. Harmondsworth: Pelican Books, 1974. 204 p.

35. *Graham E.* Maps, metaphors and muddles // *The Professional Geographer*. 1982. Vol. 34. No. 3. P. 251–260.
36. *Image and Environment*. Cognitive Mapping and Spatial Behavior / Ed. by R.M. Downs, D. Stea. New Brunswick – L.: Aldine Transaction, 1973. 439 p.
37. *Jacobson D.* Mental maps // *Encyclopedia of Human Geography* / Ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA – London – New Delhi: SAGE Publications, 2006. P. 299–301.
38. *Kitchin R.* Cognitive maps: What are they and why study them? // *Journal of Environmental Psychology*. 1994. Vol. 14. Issue 1. P. 1–19.
39. *Klippel A.* Mental maps // *Encyclopedia of Geography* / Ed. by B. Warf. SAGE Publications, 2010. URL: <http://sk.sagepub.com/reference/geography/n762.xml> (дата обращения: 01.10.2017).
40. *Murray D., Spencer C.* Individual differences in the drawing of cognitive maps: the effects of geographical mobility, strength of mental imagery and basic graphic ability // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1979. New Series. Vol. 4. No.3. P. 385–391.
41. *Pocock D.C.D.* Some characteristics of mental maps: an empirical study // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1976. New Series. Vol. 1. No.4. P. 493–512.
42. *Robinson J.P., Hefner R.* Perceptual maps of the World // *The Public Opinion Quarterly*. 1968. Vol. 32. No.2. P. 273–280.
43. *Saarinen T.F.* The use of projective techniques in geographical research // *Environment and Cognition* / Ed. by W.H. Ittelson. N.Y.: Academic Press, 1973. P. 29–52.
44. *Tolman E.C.* Cognitive maps in rats and men // *The Psychological Review*. 1948. Vol. 55. No. 4. P.189–208.
45. *Trowbridge C.C.* On fundamental methods of orientation and “imaginary maps” // *Science*. 1913. New Series. Vol. XXXVIII. No. 990. P. 888–897.
46. *Tuan Y.-F.* Images and mental maps // *Annals of the Association of American Geographers*. 1975. Vol. 65. No. 2. P. 205–213.

References

1. Berlyant, A.M. (1995), *Geoikonika* [Geoiconics], Astreya, Moscow, Russia.
2. Buzan, T. and Buzan, B. (2003), *Supermyshlenie* [The Mind Map Book], Popurri, Minsk, Belarus.
3. Vandyshch, M.N., Veselkova, N.V. and Pryamikova, Ye.V. (2003), “Les lieux de mémoire and symbolic capital of territories in mental maps of town-dwellers”, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XVI, no. 3(68), pp. 101-111.
4. Veselkova, N.V. (2010), “City mental maps: Issues of methodology and empirical experience”, *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*, no. 31, pp. 5-29.
5. Gladkiy, Yu.N. and Petrov, A.N. (2008), “Humanitarian geography: Notion status and selfidentification”, *Izvestia of Russian Academy of Sciences, Series Geography*, no. 3, pp. 15-25.
6. Glazkov, K. (2015), “Mental maps: The method’s limitations & a “Strange” image in a small town”, *Laboratorium*, vol. 7, no. 3, pp. 106-117.
7. Glazkov, K. (2013), “Mental maps; means of analysis, error estimates & spatial metrics”, *Sociologija vlasti*, no. 3, pp. 39-56.
8. Gold, J. (1990), *Psihologija i geografija: Osnovy povedencheskoj geografii* [Psychology & Geography. An Introduction to Behavioural Geography], Progress, Moscow, Russia.
9. Gribok, M.V. (2009), The analysis of the creation of images of Russian regions in federal TV news by means of GIS, Ph.D. Thesis, Geography, Moscow State Un-ty, Moscow, Russia.
10. Druzhinin, A.G. (2011), “From humanization towards neohumanization of Russian human geography: trends, problems, priorities”, *Yuzhno-rossijskij forum*, no. 1(2), pp. 34-51.
11. Druzhinin, A.G. and Streletsky, V.N. (2015), “Cultural branch” of human geography in contemporary Russia: genesis, main peculiarities and priorities of development”, *Izvestia of Russian Academy of Sciences, Series Geography*, no. 1, pp. 5-20.
12. Zamyatin, D.N. (2006), *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture & Space: Modeling Geographical Images], Znak, Moscow, Russia.
13. Zamyatin, D.N. (2005), “Local histories & the methods of urban image modeling in geohumanities”, in Zamyatin, D.N. (ed.), *Gumanitarnaja geografija* [Geohumanities], issue 2, Heritage Institute, Moscow, Russia, pp. 276-323.

14. Zamyatin, D.N. (2007), "Image Geographical Map (Map of geographical images)" (Materials for the Geohumanities Vocabulary), in Zamyatin, D.N. (ed.), *Gumanitarnaja geografija* [Geohumanities], issue 4, Heritage Institute, Moscow, Russia, pp. 322-325.
15. Zamyatina, N.Yu. (2008), "Mental map (1)" (Materials for the Geohumanities Vocabulary), in Mitin, I.I. (ed.), *Gumanitarnaja geografija* [Geohumanities], issue 5, pp. 250-253.
16. Zamyatina, N.Yu. and Mitin, I.I. (2007), "Geohumanities", in The Big Russian Encyclopedia, vol. 8, The Big Russian Encyclopedia, Moscow, Russia, p. 151.
17. Kovalenko, I.M. (2000), "Mental maps of administrative divisions of the Crimea & Ukraine (according to the spatial awareness of Simferopol' dwellers)", in *Zapiski Obshhestva geojekologov*, issue 3, pp. 23-30, available at: <https://goo.gl/SyECiM> (accessed 1 October 2017).
18. Lavrenova, O.A. (1998), *Geograficheskoe prostranstvo v russkoj poezii XVIII – nachala XX vv. (geokul'turnyj aspekt)* [Geographical space in the Russian poetry of 18th – the beginning of XXth century (geocultural approach)], Heritage Institute, Moscow, Russia.
19. Lynch, K. (1982), *Obraz goroda* [The Image of the City], Strojizdat, Moscow, Russia.
20. Milgram, S. (2000), *Eksperiment v social'noj psihologii* [The Individual in a Social World], Piter, St. Petersburg, Russia.
21. Mitin, I.I. (2012), "GeoHumanities: terminology & (self-)identity problems in Russian & international contexts", *Cultural Geography & GeoHumanities*, vol. 1, no. 1, pp. 1-10.
22. Mitin, I.I. (2011), "Cultural geography in the USSR and Post-Soviet Russia: The history of development and main traits of originality", *International Journal of Cultural Research*, no. 4(5), pp. 19–25.
23. Mitin, I.I. (2007), *Methods of Complex Cultural Geographical Description of Territory*, Ph.D. Thesis, Geography, Moscow State Un-ty, Moscow, Russia.
24. Mitin, I.I. (2005), "Methods of field geohumanities studies within the context of mythogeography", in Zamyatin, D.N. (ed.), *Gumanitarnaja geografija* [Geohumanities], issue 2, Heritage Institute, Moscow, Russia, pp. 235-275.
25. Serapinas, B.B. (2007), "Mental geopictures & mental geomaps", *Vestnik of Moscow Un-ty, Series 5. Geography*, no. 1, pp. 8-12.
26. Sokolova, A.A. (2011), "Humanitarian geography: Towards the question of demilitarization of boundaries of subject region", *Izvestia of Russian Academy of Sciences, Series Geography*, no. 5, pp. 109-118.
27. Streletsky, V.N. (2002), "Geographical space and culture: theoretical attitudes and scientific paradigms in cultural geography", *Izvestia of Russian Academy of Sciences, Series Geography*, no. 4, pp. 18-28.
28. Streletsky, V.N. (2008), "Cultural geography in Russia: main peculiarities of formation and directions of contemporary development", *Izvestia of Russian Academy of Sciences, Series Geography*, no. 5, pp. 21-33.
29. Timofeyeva, T.N. (2013), "Cognitive maps of Kyakhta (Buryatia, Russia)", *Cultural Geography & GeoHumanities*, vol. 2, no. 1, pp. 53-64.
30. Chikhichin, V.V. (2006), *Geographical analysis of the images of Stavropol region cities*, Ph.D. Thesis, Geography, Stavropol State Un-ty, Stavropol, Russia.
31. Schenk, F.B. (2001), "Mental maps: The construction of geographical space in Europe", *Politicheskaja nauka*, no. 4, pp. 4-17.
32. Appleyard, D. (1970), "Styles and methods of structuring a city", *Environment and Behavior*, vol. 2, no. 1, pp. 100-117.
33. Downs, R.M. and Stea, D. (1977), *Maps in Minds: Reflections on Cognitive Mapping*, Harper & Row, New York, NY.
34. Gould, P. and White, R. (1974), *Mental Maps*, Pelican Books, Harmondsworth, UK.
35. Graham, E. (1982), "Maps, metaphors and muddles", *The Professional Geographer*, vol. 34, no. 3, pp. 251-260.
36. Downs, R.M. and Stea, D. (eds.) (1977), *Image and Environment. Cognitive Mapping and Spatial Behavior*, Aldine Transaction, New Brunswick, NJ, and London, UK.
37. Jacobson, D. (2006), "Mental maps", in Warf, B. (ed.), *Encyclopedia of Human Geography*, SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, London, UK, and New Delhi, India, pp. 299-301.
38. Kitchin, R. (1994), "Cognitive maps: What are they and why study them?", *Journal of Environmental Psychology*, vol. 14, issue 1, pp. 1-19.

39. Klippel, A. (2010), "Mental maps", in Warf, B. (ed.), *Encyclopedia of Geography*, SAGE Publications, available at: <http://sk.sagepub.com/reference/geography/n762.xml> (accessed 1 October 2017).
40. Murray, D. and Spencer, C. (1979), "Individual differences in the drawing of cognitive maps: the effects of geographical mobility, strength of mental imagery and basic graphic ability", *Transactions of the Institute of British Geographers*, New Series, vol. 4, no. 3, pp. 385-391.
41. Pocock, D.C.D. (1976), "Some characteristics of mental maps: an empirical study", *Transactions of the Institute of British Geographers*, New Series, vol. 1, no. 4, pp. 493-512.
42. Robinson, J.P. and Hefner, R. (1968), "Perceptual maps of the World", *The Public Opinion Quarterly*, vol. 32, no. 2, pp. 273-280.
43. Saarinen, T.F. (1973), "The use of projective techniques in geographical research", in Ittelson, W.H. (ed.), *Environment and Cognition*, Academic Press, New York, NY.
44. Tolman, E.C. (1948), "Cognitive maps in rats and men", *The Psychological Review*, vol. 55, no. 4, pp. 189-208.
45. Trowbridge, C.C. (1913), "On fundamental methods of orientation and "imaginary maps"", *Science*, New Series, vol. XXXVIII, no. 990, pp. 888-897.
46. Tuan, Y.-F. (1975), "Images and mental maps", *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 65, no. 2, pp. 205-213.

Поступила в редакцию: 10.05.2018

Сведения об авторе

Митин Иван Игоревич

кандидат географических наук,
доцент Высшей школы урбанистики
им. А.А. Высоковского,
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»;
Россия, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

About the author

Ivan I. Mitin

Candidate of Geographical Sciences,
Associate Professor, Vysokovsky
Graduate School of Urbanism,
National Research University
Higher School of Economics;
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia

e-mail: gumgeo@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Митин И.И. Ментальные карты как инструмент комплексного культурно-географического исследования: анализ подходов // Географический вестник = Geographical bulletin. 2018. №4(47). С. 21–33. doi 10.17072/2079-7877-2018-4-21-33

Please cite this article in English as:

Mitin I.I. Mental maps as an instrument of complex cultural geographical research: the analysis of approaches // Geographical bulletin. 2018. №4(47). P. 21–33. doi 10.17072/2079-7877-2018-4-21-33

УДК 911.3: 338.4 (100)

DOI: 10.17072/2079-7877-2018-4-33-44

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЙ КОРПОРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ МИРОВОЙ ПАРФЮМЕРНО-КОСМЕТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Татьяна Андреевна Гладенкова

e-mail gladenkovatanya@mail.ru

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Рубеж XX–XXI вв. для парфюмерно-косметической промышленности мира ознаменовался важными территориально-структурными изменениями. Среди основных факторов этих изменений особо выделяются прогресс в сфере НИОКР, а также институциональные изменения в мировой экономике